

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава XII ¹⁾.

Пионеръ гагской конференціи.

Задача г-жи Новиковой, сначала до конца, говоритъ Стэдъ, состояла въ томъ, чтобъ возбудить въ мирѣ и въ войнѣ соглашеніе между Россіей и Англіей.

Не изъ сентиментальной идеи она преслѣдовала свой планъ, но потому что смерть ея брата открыла ей причину бѣдствій, которымъ подверглось человѣчество изъ-за дурныхъ отношеній между Англіей и Россіей. Тридцать лѣтъ назадъ ей показалось, что нѣтъ иной надежды на улучшеніе въ судьбѣ восточныхъ славянъ, какъ единодушное содѣйствіе этихъ 2-хъ странъ. Она поняла, что соглашеніе Лондона съ Петербургомъ умиротворитъ Азію. Во время ужасовъ Балканской войны она защищала идею англо-русскаго соглашенія, какъ единственную мѣру для предупрежденія подобныхъ несчастій. Впослѣдствіи она придавала болѣе обширное значеніе той же идеѣ. Вредный, ненужный антагонизмъ русскаго и англійскаго правительствъ не только отдалялъ освобожденіе восточныхъ христіанъ отъ турецкаго ига, не только наполнялъ Азію безпокойствомъ и угрозами войны, но онъ же былъ главной причиной усиленныхъ вооруженій Европы.

Двадцать лѣтъ назадъ, говоритъ Стэдъ, мы вооружались противъ Россіи, какъ вооружаемся теперь противъ Германіи и какъ въ прежніе годы вооружались противъ Франціи. Англо-

¹⁾ См. „Русская Старина“, сентябрь 1914 г.

русское соглашеніе остановило бы тогда разорительное соперничество вооруженій, какъ теперь то же сдѣлало бы англо-германское соглашеніе.

Въ началѣ 1894 года явилось успокоительное затишье въ англо-русской политикѣ. Наступилъ временно всесвѣтный миръ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ началась война Японіи съ Китаемъ,—новая кровавая страница въ исторіи человѣчества. Къ счастью, это длилось не долго; въ эту самую минуту г-жа Новикова предлагаетъ, въ англійской печати, желательную мысль о международномъ согласіи прекратить вооруженія. Ольгѣ Алексѣевнѣ было конфиденціально сообщено, что Императоръ Александръ III былъ очень занятъ мыслью, какъ сократить обременительныя траты на военныя надобности и что онъ ничего такъ не желалъ, какъ взять на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ, если бы другія державы послѣдовали его примѣру. Попытка Ольги Алексѣевны изучить направленіе общественнаго мнѣнія была вмѣстѣ съ тѣмъ пробнымъ шаромъ для циркуляра Императора Николая II.

Не въ первый разъ Россія и Англія разсуждали объ этомъ предметѣ. Если въ 1894 году русская женщина обратилась къ британцу, то восемьдесятъ лѣтъ до того англичанинъ представилъ этотъ вопросъ Россіи.

Первый монархъ, изложившій это дѣло передъ европейскими державами, былъ принцъ регентъ, впоследствии Георгъ IV король Англіи, который послѣ Вѣнскаго конгресса предложилъ собрать международную конференцію изъ военныхъ людей, уполномоченныхъ всѣми великими державами Европы, рѣшить, какое должно быть нормальное количество войскъ въ мирное время. Русское правительство уже тогда восторженно поддержало эту идею. Князь Меттернихъ далъ согласіе за Австрію. Было рѣшено, что вопросъ будетъ разсматриваться на слѣдующей конференціи, которая никогда не состоялась. Въ 1816 году лордъ Кастлре предупредилъ предложеніе г-жи Новиковой 1894 года. Въ обоихъ случаяхъ отвѣтъ былъ благопріятный, но, увы, въ обоихъ случаяхъ добрыя намѣренія не превратились въ факты.

Второй монархъ, возбудившій вопросъ о созывѣ международной конференціи для обсужденія возможности разоруженія, былъ Наполеонъ III, но на его предложеніе Пруссія и Австрія отвѣтили категорическимъ отказомъ. Третій вѣнценосецъ, поднявшій этотъ вопросъ, былъ Вильгельмъ II въ 1893 году.

Два года передъ тѣмъ лордъ Салзберри обратилъ его вни-

маніе на такую мѣру, говоря, что за шесть лѣтъ, кончая 1888 г., семь европейскихъ государствъ должны были израсходовать на морскія и военныя нужды около тысячи милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, и что хорошо было бы найти способъ уменьшить это бѣдствіе. Кайзеръ сильно заинтересовался этой темой и предполагалъ созвать европейскій конгрессъ, чтобъ придумать практическое ея примѣненіе для обезпеченія общаго мира.

Нѣмецкая пресса обсуждала вопросъ, но французская отвѣчала съ такой враждебностью, что рѣчь о нихъ замолкла. Однако императоръ все еще держалъ конгрессъ и въ бытность свою въ Римѣ, въ 1893 году, онъ говорилъ объ этомъ предметѣ съ папой. Судя по письму Криспи, отъ 6-го іюля 1893 года, опубликованному въ „Deutsche Revue“ въ сентябрѣ 1907 года, Вильгельмъ, при знаменитомъ свиданіи своемъ съ Львомъ XIII въ Ватиканѣ, предложилъ папѣ созвать европейскій конгрессъ для обсужденія вопроса о разоруженіи. Криспи замѣтилъ: „Папа одобрилъ идею, не потому чтобы онъ вѣрилъ, что что-нибудь можетъ быть сдѣлано, а потому, что вопросъ этотъ могъ повести къ международному столкновенію, отъ котораго ему могла быть прибыль“.

Мысли кайзера обратились къ международному разоруженію вслѣдствіе отказа рейхстага императорскому плану прибавить 89.894 человекъ къ германской арміи. Двѣ недѣли спустя, послѣ разговора въ Ватиканѣ, рейхстагъ былъ распущенъ и ничего болѣе не было слышно о конференціи.

Императоръ Александръ III, извѣстный своею ненавистью къ войнѣ, также принялъ во вниманіе этотъ вопросъ. Какъ бы первымъ отголоскомъ его разсужденій была статья г-жи Новиковой въ началѣ 1894 года, въ которой она выражала мнѣніе, что готовится возбужденіе этого вопроса. Она говоритъ:

„Хотя я дочь человека, получившаго Георгія на полѣ битвы, сестра двухъ военныхъ и жена третьяго, я всегда мечтала о мирѣ и даже теперь я, лично, твердо убѣждена, что Россія, съ своимъ замѣчательно миролюбивымъ Государемъ, охотно согласилась бы на общее разоруженіе, если-бъ это великое дѣло было принято одновременно всѣми великими державами“.

„Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ извѣстный французъ Жюль Симонъ, — предлагая есе выполнимую реформу о сокращеніи военной службы всего на одинъ годъ. Не довольствуясь этимъ, онъ замѣчаетъ: Друзья не должны успокоиться.

пока не совершится эта мѣра, иначе банкротство Европы неизбежно.

„Сокращеніе военной силы, на половину или на двѣ трети, превратило бы существующія арміи Европы въ милицію, сильную для обороны, но слабую для нападенія. Защита, а не вызовъ, былъ бы тогда всеобщій лозунгъ.“

„Затрудненіе, конечно, въ томъ“, — продолжаетъ русскій авторъ, — „чтобы такая прекрасная мѣра была одновременно принята всѣми великими державами, но Россія, военный характеръ которой неоспоримъ, была бы, я увѣрена, готова поддержать мысль, надъ которой подсмѣивался Кинглекъ, называя ее „квакерской“. Дѣйствительная власть въ самообладаніи и сохраненіи мира“.

Отвѣтъ на этотъ призывъ г-жи Новиковой послѣдовалъ немедленно. Первыми откликнулись въ Лондонѣ, представители свободныхъ церквей, пригласившіе Ольгу Алексѣевну на конференцію по этому предмету, на „Собраніе друзей“ въ Девонширъ-хаусъ, 17-го апрѣля 1894 года. На этой конференціи было выражено сильное желаніе, чтобы британское правительство взяло на себя починъ воззваній къ другимъ государствамъ объ единомышленныхъ дѣйствіяхъ. Текстъ меморандума, подписаннаго 35.000 человекъ, включая восемьдесятъ членовъ парламента и шесть епископовъ, любопытный прообразъ циркуляра 1898 года.

„Безпрестанный, неукротимый ростъ вооруженій достигъ такихъ ужасающихъ размѣровъ, которые требуютъ общаго содѣйствія для облегченія тяготы. Расходы на военные и морскія надобности дѣйствительно грозятъ банкротствомъ государствамъ, вредятъ промышленности и народному богатству, отвлекая непосильными приготовлениями къ войнѣ суммы, могущія служить на общественныя улучшенія и преобразованія.“

Это разорительное соперничество въ вооруженіяхъ—неизбѣжное и печальное слѣдствіе полнаго отсутствія международнаго соглашенія. Только такимъ соглашеніемъ оно можетъ быть остановлено.

„Поэтому мы почтительнѣйше, но горячо предлагаемъ открыть сообщенія съ европейскими державами, начавъ съ того, чтобы въ этомъ же столѣтїи обезпечить всеобщій для арміи и флота максимумъ смѣты настоящаго года.“

Г-жа Новикова не произносила рѣчей на конференціи, говоритъ Стэдъ, но въ слѣдующемъ № „Review of Reviews“ я

написалъ статью, почти всецѣло продиктованную ею на эту тему.

Все другіе вопросы являются ничтожными въ сравненіи съ этой великой задачей; съ этимъ связанъ весь соціальный вопросъ. Все въ застоѣ потому, что нѣтъ наличныхъ денегъ. Министры и монархи ломаютъ себѣ голову, какъ покрыть безпрестанные дефициты. Все планы усовершенствованій, требующіе денегъ,—а денегъ требуетъ всякій проектъ,—отклоняются ради дани, налагаемой богомъ войны на казначейства всего міра. Хорошо,—продолжаетъ Стэдъ,—что теперешнее наше правительство ничего такъ не желаетъ, какъ взять на себя инициативу въ этомъ направленіи. Извѣстно, что Русскій Императоръ искренно желаетъ того же, германскій и австрійскій императоры раздѣляютъ эту мысль. Для Італіи уменьшеніе войскъ едва-ли не вопросъ жизни и смерти. Франція остается сомнительнымъ элементомъ. Одинъ Царь можетъ произвести давленіе на нее. Въ его искренности сомнѣваться нельзя.

Пока эта памятная записка собирала подписи, тогдашній премьеръ лордъ Розбери пригласилъ г-на Сталь и спросилъ, дѣйствительно ли таково настроеніе русскаго правительства, какъ утверждаетъ г-жа Новикова. Сталь отвѣчалъ откровенно, съ присущей ему простотой, что если говоритъ г-жа Новикова, то это должна быть правда, потому что она часто бываетъ освѣдомлена о томъ, что русское правительство думаетъ или дѣлаетъ. Тогда какъ мнѣ, — сказалъ старый посолъ, улыбаясь, ничего не говорятъ, пока не рѣшатся дѣйствовать.

Вслѣдъ за этимъ лордъ Розбери изъявилъ свое согласіе на общую мѣру, по тутъ возникла война между Китаемъ и Японіемъ, а тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Кимберлей отказался поддержать лорда Розбери. На этомъ дѣло прервалось.

Война между Китаемъ и Японіей началась въ іюнѣ 1894 года. 9-го ноября 1897 года лордъ Салзберри, тогдашній премьеръ, произнесъ весьма сильную рѣчь о соперничествѣ въ вооруженіи между народами. Онъ сказалъ:

„Единственная наша надежда на соединеніе державъ. Пусть онѣ сплотятся въ международную конституцію, которая гарантировала бы длинные годы свободной торговли, цвѣтущей промышленности и непрерывнаго мира. Тогда Европа могла бы соперничать съ Америкой въ благоденствіи.

Какъ въ подтвержденіе этихъ словъ Императоръ Николай II-й подписалъ циркуляръ 24-го августа 1898 года, вслѣдствіе

котораго состоялась первая Гаагская конференція. Текстъ этого документа Стэдъ приводитъ, чтобы показать, какъ близокъ онъ былъ къ той статьѣ, которую писала г-жа Новикова четыре года передъ этимъ.

Императорскій циркуляръ былъ объявленъ въ телеграммѣ Рейтера отъ 27-го августа 1898 года.

Циркуляръ отъ 12—24 августа 1898 года.

По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, министръ иностранныхъ дѣлъ вручилъ 12—24 августа 1898 года всѣмъ прибывающимъ въ С.-Петербургъ иностраннымъ представителямъ нижеслѣдующее сообщеніе:

„Охраненіе всеобщаго мира и возможное сокращеніе тяготящихся надъ всѣми народами чрезмѣрныхъ вооруженій являются, при настоящемъ положеніи вещей, цѣлью, къ которой должны бы стремиться усилія всѣхъ правительствъ. Взглядъ этотъ вполне отвѣчаетъ человѣколюбивымъ и великодушнымъ намѣреніямъ Его Императорскаго Величества Августѣйшаго моего Государя.

„Въ убѣжденіи, что столь возвышенная цѣль соответствуетъ существеннѣйшимъ потребностямъ и законнымъ вождѣніямъ всѣхъ державъ, Императорское Правительство полагаетъ, что настоящее время весьма благопріятно для изысканія, путемъ международнаго обсужденія, наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ обезпеченія всѣмъ народамъ истиннаго и прочнаго мира и, прежде всего, положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій.

„Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ миролюбивыя стремленія особенно твердо укрѣпились въ сознаніи просвѣщенныхъ народовъ. Сохраненіе мира было поставлено цѣлью международной политики. Во имя мира, великія державы сплотились въ могучіе союзы. Для лучшаго огражденія мира увеличили онѣ, въ небывалыхъ доселѣ размѣрахъ, свои военныя силы и продолжаютъ ихъ развивать, не останавливаясь ни предъ какими жертвами.

„Однако, усилія эти не могли пока привести къ благотѣльнымъ послѣдствіямъ желаемаго умиротворенія.

„Все возрастающее бремя финансовыхъ тягостей въ корнѣ расшатываетъ общественное благосостояніе. Духовныя и физическія силы народовъ, трудъ и капиталъ отвлечены въ большей своей части отъ естественнаго назначенія и расточаются непроизводительно. Сотни милліоновъ расходуются на пріобрѣтеніе страшныхъ средствъ истребленія, которыя сегодня, пред-

ставляясь послѣднимъ словомъ науки, завтра должны потерять всякую цѣну въ виду новыхъ изобрѣтеній. Просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія и богатства пресѣкаются или направляются на ложные пути.

„Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ растутъ вооруженія каждаго государства, они менѣе и менѣе отвѣчаютъ предпоставленной правительствомъ цѣли. Нарушенія экономическаго строя вызываемыя въ значительной степени чрезмѣрностью вооруженій, и постоянная опасность, которая заключается въ огромномъ накопленіи боевыхъ средствъ, обращаютъ вооруженный миръ нашихъ дней въ подавляющее бремя, которое народы выносятъ все съ большимъ трудомъ.

„Очевиднымъ, поэтому, представляется, что если бы такое положеніе продолжалось, оно роковымъ образомъ привело бы къ тому именно бѣдствію, котораго стремятся избѣгнуть и предъ ужасами котораго заранѣе содрогается мысль человѣка.

„Положить предѣлъ непрерывнымъ вооруженіямъ и изыскать средства предупредить угрожающія всему міру несчастія—таковъ нынѣ высшій долгъ для всѣхъ государствъ.

Преисполненный этимъ чувствомъ, Государь Императоръ повелѣтъ мнѣ соизволилъ обратиться къ правительствамъ государствъ, представители коихъ аккредитованы при Высочайшемъ Дворѣ, съ предложеніемъ о созваніи конференціи въ видахъ обсужденія этой важной задачи.

Съ Божьей помощью, конференція эта могла бы стать добрымъ предзнаменованіемъ для грядущаго вѣка. Она сплотила бы въ одно могучее цѣлое усиліе всѣхъ государствъ, искренно стремящихся къ тому, чтобы великая идея всеобщаго мира восторжествовала надъ областью смуты и раздора. Въ то же время она скрѣпила бы ихъ согласіе совмѣстнымъ признаніемъ началъ права и справедливости, на которыхъ зиждется безопасность государствъ и преуспѣваніе народовъ.

Отвѣтъ, общественнаго мнѣнія на это воззваніе былъ въ началѣ, — говоритъ Стэдъ, — до такой степени равнодушный, что въ половинѣ декабря русское министерство иностранныхъ дѣлъ рѣшило отказаться отъ конференціи, замѣнивъ ее рядомъ комиссій для изученія предмета, изложеннаго въ циркулярѣ Государя. Убѣдившись въ полномъ индифферентизмѣ общества, Стэдъ, посовѣтовавшись съ нѣсколькими друзьями, рѣшилъ объявить крестовый походъ въ пользу мира. Сентъ: Джемская зала была отдана въ его распоряженіе днемъ и церковь д-ра Кли-

форда вечеромъ того же дня. Присутствовали представители всѣхъ церквей. Стэдъ говоритъ: „Передъ самымъ началомъ собранія, Лессаръ, въ послѣдствіи русскій посолъ въ Пекинѣ, пришелъ ко мнѣ съ порученіемъ отъ русскаго посольства. Надѣюсь, что ваше собраніе будетъ успѣшно, сказалъ онъ, потому что, если вашъ крестовый походъ не будетъ принятъ сегодня, конференція не состоится. Въ Петербургѣ пришли въ такое уныніе отъ равнодушія и скептицизма къ циркуляру, что тамъ хотятъ отказаться отъ конференціи. Будутъ назначены комитеты, но о конференціи мы больше слышать не будемъ. Ждутъ, чтобы увидѣть, повліяете ли вы. Въ случаѣ вашего успѣха, они будутъ продолжать, все зависитъ отъ вашего крестоваго похода.

Крестовый походъ мира былъ объявленъ единодушно и восторженно.

Отвѣтъ былъ немедленный и результатъ удовлетворителенъ.

Рѣчь зашла о паломничествѣ, черезъ всю Европу, представителей похода отъ каждой страны въ Петербургъ. Эта мысль возбудила большой энтузіазмъ среди англичанъ. Къ несчастью, германское правительство испугалось посѣщенія Берлина международными крестonosцами. Боялись народныхъ волненій и взрыва шовинизма при встрѣчѣ съ французскими представителями, если бы эти послѣдніе требовали разоруженія и мира на улицахъ Берлина.

Ко мнѣ опять пріѣхалъ Лессаръ просить отъ имени русскаго правительства оставить мысль о паломничествѣ. Государь съ радостью принялъ бы паломниковъ, но въ виду предупрежденія Берлина, что они могутъ нарушить миръ въ Европѣ. Его Величество надѣялся, что настаивать на нашемъ намѣреніи мы не будемъ. Другого исхода не было, какъ подчиниться русскому рѣшенію.

Вмѣсто паломничества по всей Европѣ я одинъ былъ посланъ,—говоритъ Стэдъ,—въ Петербургъ, доложить Государю о народномъ отвѣтѣ на его циркуляръ. Онъ принялъ меня крайне милостиво въ Царскомъ Селѣ, но ему было извѣстно все, что я собирался сообщить, ежедневно читая мою газету „Война противъ войны“.

Въ началѣ 1908 года сэръ Эдуардъ Грей сильно настаивалъ на необходимости поднять вопросъ о разоруженіи на Гаагской конференціи. Стэдъ говоритъ, что предупреждалъ его о бесполезности такой попытки, но онъ отвѣчалъ, что необходимо настаивать на обсужденіи предположеній, которыя британское

правительство намѣрено представить. Къ тому же, посредствомъ настоятельныхъ увѣщаній, германское правительство согласилось, наконецъ, не препятствовать обсужденію на конференціи вопроса о разоруженіяхъ, предоставляя себѣ право воздержаться отъ преній.

Русское правительство, въ силу своихъ громогласныхъ миролюбивыхъ заявленій, не могло отказаться отъ этого вопроса, такъ какъ русскій Государь былъ творцомъ первой Гаагской конференціи въ 1898 году. Но съ тѣхъ поръ произошло много переменъ. Въ войнѣ съ Японіей погибъ русскій флотъ. Принять въ 1908 г. принципъ неувеличенія вооруженія было бы теперь, по мнѣнію русскаго правительства, равносильно запрещенію возстановить его бывшія силы. Напрасно я доказывалъ, говоритъ Стэдъ, что къ какому бы рѣшенію конференція ни пришла, право Россіи возстановить свои силы, бывшія до войны, несомнѣнно признается.

Къ числу моихъ оппонентовъ вдругъ присоединилась г-жа Новикова. На этотъ разъ она не написала статью, выражающую взглядъ русскаго правительства, какъ въ 1894 году. Она избрала болѣе прямой путь.

Г-жа Новикова подружилась съ сэромъ Генри Кампбель Баннерманъ и его женой, гораздо ранѣе, чѣмъ рѣчь шла о его премьерствѣ.

Въ гнѣвѣ на то, что казалось ей предложеніемъ воспрепятствовать Россіи возстановленіе военныхъ силъ, г-жа Новикова написала своему другу Баннерману слѣдующее письмо:

Лондонъ 25 февр. 1907 г.

„Дорогой сэръ Генри! Мнѣ очень жаль, что не могу повидаться съ Вами и обратиться къ вамъ съ нѣкоторыми вопросами. Вы всегда такъ откровенны и правдивы и слову Вашему такъ можно довѣряться.

„Позвольте просить Васъ мнѣ объяснить, какая выгода для Англіи въ томъ, чтобы Россія не возвращалась къ своему прежнему величію и не возстановила бы своего флота! Правда ли, что въ этомъ и Ваша программа для Гаагской конференціи? Англія, союзница Японіи всегда, конечно, помогаетъ японцамъ, но въ чемъ же тутъ польза для англійской политики?

„Я очень огорчена: больно думать, что Англія готова всегда оскорбить чувства Россіи.

Вамъ искренно преданная О. Новикова.

5*

Сэръ Генри поспѣшилъ отвѣтить слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ:

Уайтхолъ 27 февр. 1907 г.

„Дорогая Г-жа Новикова! Мнѣ очень жаль, что Вы были обезпкоены и раздосадованы, совершенно ни на чемъ неоснованными слухами.

„Я могу сказать только, что никогда не слыхалъ слова, могущаго дать поводъ думать что мы желаемъ оставить Россію въ ея теперешнемъ положеніи, безъ флота или арміи.

„Ни со стороны моихъ сослуживцевъ, ни людей безъ всякой отвѣтственности, поэтому могущихъ говорить легкомысленно и даже смѣло, никогда не доходила до меня подобная идея. Наоборотъ всѣ сочувствуютъ объявленной политикѣ правительства,—поощрять дружескія отношенія къ Вашей странѣ. Такова была наша политика при оппозиціи, такою она остается теперь, съ тѣхъ поръ какъ я въ ея главѣ. Мы хотимъ придти къ обоюдному доброму согласію по всѣмъ вопросамъ; мнѣ кажется, что г. Извольскій и сэръ Никольсонъ много надъ этимъ потрудились и достигнуть цѣли, если будутъ предоставлены самимъ себѣ. Надѣюсь, что будутъ. Что касается антирусской демонстраціи въ Гаагѣ, я по чести не понимаю, что Вы хотите этимъ сказать. Россія изобрѣла Гаагскую конференцію и главный предметъ ея была необходимость остановить разорительную погоню за издержками. Мы пламенно ее поддерживали тогда и остаемся того же мнѣнія теперь. Это не относится къ А. или Б. и не содержитъ нелѣпую идею насиловать къ сокращенію не желающую его страну. Но мы желаемъ укрѣпить общественное мнѣніе Европы въ пользу мира, третейскаго суда и избавленія отъ расходовъ на армію.

„Мы не лицемеримъ въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ, мы не скрываемъ, что главная задача выгоды нашего собственнаго плательщика податей, чтобы употребить его деньги на болѣе полезные предметы. Но это не можетъ быть ко вреду или обидѣ нашимъ сосѣдямъ.

„Я искренно надѣюсь, если Васъ преслѣдуетъ кошмаръ здѣшнихъ злонамѣренныхъ умысловъ противъ Вашей страны, что Вы отъ него избавитесь, такъ какъ это положительное заблужденіе; я видѣлъ два раза Мартенса, разъ онъ завтракалъ у меня, и я увѣренъ, что онъ не вынесъ никакого дурного впечатлѣнія.

„Надѣюсь, что Вы здоровы, несмотря на заботы? Я былъ боленъ двѣ недѣли, теперь поправился, но рѣшительно не имѣю времени ни на что.

Вѣрьте искреннему моему уваженію и преданности.

Г. Кампбель-Баннерманъ.

Письмо это не удовлетворило г-жу Новикову. Но отъ нея ли гнѣвныхъ жалобъ, или по другой причинѣ, вѣроятно по разнымъ причинамъ, британское правительство не подняло вопроса о разоруженіи въ Гаагѣ, несмотря на смѣлыя заявленія сэра Эдуарда Грея; въ предшествовавшемъ году, англійскимъ представителямъ была дана инструкція воздержаться отъ всякаго опредѣленнаго предложенія о разоруженіи. Это воздержаніе можно было приписать ея вліянію.

Отношенія Ольги Алексѣевны къ сэру Генри Кампбель Баннерману и его женѣ оставались очень хорошими. Лэди Баннерманъ всегда очень цѣнила своего русскаго друга, но иногда любила пошутить надъ ней. Такъ однажды она спросила г-жу Новикову, почему она не пріѣзжаетъ къ нимъ завтракать, какъ всегда въ бывшее время.

„О, отвѣчала Ольга Алексѣевна, многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ Вы въ Даунъ-Стритъ. Сэръ Генри, какъ премьеръ, долженъ часто видѣться съ министрами и дипломатами, я могу помѣшать“.

„Скажите, пожалуйста“, возразила лэди Баннерманъ, „съ какихъ это поръ Вы боитесь министровъ и дипломатовъ?“.

Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

